

Актер Вадим Сеницын больше сорока лет служит в Алтайском краевом театре драмы

«Я сыграл то, что хотел»

текст **Елена Кожевникова**

Актерская природа Вадима Сеницына необыкновенно пластичная: надо сыграть еврея — пожалуйста. Надо сыграть русского помещика, немецкого гофмаршала или обитателя лондонских трущоб — не вопрос. Не говоря уже о сказочных персонажах со всего света. Неслучайно благодарная публика присвоила любимому актеру титул «барнаульского Чарли Чаплина».

Вадим Сеницын родился в 1940 году в Нижнем Новгороде. Когда ему было десять лет, он увидел на сцене ТЮЗа спектакль «Девочка ищет отца». Театральная постановка произвела на мальчика очень сильное впечатление. Но по окончании школы Вадим идет на завод и два года работает на закрытом предприятии: белый халат, приличная зарплата, заманчивые перспективы. Но мечта об актерской профессии настойчиво напоминает о себе. И в 1976 году Вадим поступает в театральную студию В.Б. Марецкого при Красноярском музыкальном училище. Будучи студентом второго курса, Сеницын начинает работать актером в Красноярском театре драмы имени А.С. Пушкина. Там он и сыграл свою первую роль — слуги — в спектакле по пьесе Лопе де Вега «Дурочка». И начал репетировать роль Ивана в спектакле «Перед ужином» по пьесе Виктора Розова. И все складывалось вроде бы хорошо, но Вадим принимает решение уехать из Красноярска. Через некоторое время Сеницын все-таки встретится с актуальной по тем временам драматургией Виктора Розова. Он сыграет и Олега в «Поисках радости», и Афанасия из пьесы «В добрый час!», но это будут уже другие театры и другие города. Что ни говори, профессия актера бродячая истари. А театр — он везде театр. Место открытое. Люди приходят, мелькают, исчезают, забываются. Редкий случай, когда судьба человека срастается раз и навсегда с судьбой выбранного театра. География творческих странствий Вадима Сеницына обширна: Красноярск, Сызрань, Фергана, Тюмень, Воронеж, Калининград, Бийск, Барнаул.

— А какой сильный театр был тогда в Бийске! Какие талантливые актеры там работали! — делится воспоминаниями Вадим Трифонович. — Режиссером был выпускник ЛГИТМИКа Виктор Хоркин. Его потом пригласил к себе на работу Игорь Горбачёв, главный режиссер Александринского театра. Они к нам приезжали на гастроли.

Да, я помню это счастливое театральное время. Каждый год в Барнауле гастролировали столичные театры: Малый театр и театр имени Моссовета, театр на Малой Бронной и театр Маяковского, Александринский театр и театр имени Станиславского. Идешь

**Вадим Трифонович Сеницын награжден почетным знаком
Министерства культуры Российской Федерации
«За достижения в культуре».**

по Ленинскому проспекту, а навстречу тебе — Владимир Корнев, человек-амфибия, или Георгий Тараторкин с Маргаритой Тереховой. Сейчас можно сказать, что это было в другом веке.

Вот в этом, другом веке, в 1977 году, я и начал работать в Алтайском краевом театре драмы. И сразу получил две роли. Роль Шута в спектакле «Василиса Мелентьева» по пьесе Александра Николаевича Островского и роль Хомутова в «Провинциальных анекдотах» Александра Вампилова.

Лёнька. Спектакль «Твой ровесник»

А потом как покатило! Смотрю репертуар тех лет. Редко какой спектакль обходился без участия актера Сеницына. И режиссеры — то разные, каждый со своим видением театра, а берут в спектакль вас. Что это? Везение или ваша потрясающая самобытность? Сценическое обаяние или безлимитный актерский диапазон?

Скорее, безлимитка.

Свыше ста шестидесяти разноплановых ролей?!

Так уж получилось. Я не виноват! (Смеется). Однажды на репетиции режиссер Владимир Чертков сказал про меня: «Я вижу, у человека есть желание работать.

Исаак Мендоса в спектакле Ричарда Шеридана «Дуэнья»

Это — главное! — а потом добавил уже конкретно мне: — Твои гамлеты от тебя не уйдут».

Как точно. Вы ведь играли потом и в «Гамлете», и в «Ромео и Джульетте», и в «Сне в летнюю ночь». А когда пришел Владимир Золотарь, то сразу дал вам главную роль Дэвиса в спектакле по пьесе Гарольда Пинтера «Сторож». Очень интересным был спектакль. Он вызывал неоднозначные чувства. В нем было нечто пророческое. На мой взгляд, сегодняшняя жизнь некоторых европейских стран, впусивших к себе дэвисов, вполне может восприниматься как иллюстрация к «Сторожи».

Сегодня я не стал бы так играть Дэвиса. А тогда я его пожалел и некоторые черты характера смягчил.

Это уже был немного другой человек, нежели в пьесе Пинтера. Я все время пытался понять Дэвиса, очеловечить. Но он родился гнидой. Люди его приютили, дали кров, а он еще ножом угрожает, чего-то требует. Дэвис рано или поздно всех уничтожил бы. Ему прямо говорят: «Как ты пришел в этот дом, с тех пор здесь одни несчастья. Ты ведь никто иное, как животное, если присмотреться. Ты — варвар». А Дэвис настойчиво канючит свое: «Что мне тогда делать? Куда идти?»

Мне кажется, что Дэвис и 1-й подмастерье из спектакля «Войцек» очень похожи по своей человеческой сути. По чувству ненависти и презрения к людям. Разница лишь в том, что ваш персонаж в «Войцеке» еще и философ, оправдывающий нищету и жестокость нашей жизни.

Да, я уловил в его речи фашистские нотки. С какой убежденностью и доморощенной простотой он утверждает, что Господь создал то, во что мы превратили нашу жизнь. «Чем бы жил портной, если б господь не внушил человеку, что в наготе срам? На что бы жил солдат, если б господь не вдохнул в него жажду битвы?»

«Войцек» был провокативным спектаклем. И не все зрители были к этому готовы. Зато актеры пошли за режиссером и не проиграли. А вот ваш Сорин в спектакле «Чайка» был совершенно другим человеком. Добрым, чутким, деликатным. С какой мягкой иронией он говорил о себе. «В молодости хотел я сделать литератором... Хотел жениться — и не женился, хотел всегда жить в городе — и вот кончаю свою жизнь в деревне». А еще Сорин был человеком влюбчивым. Помните, как он признается в этом, говоря о Нине Заречной.

Он был человеком интеллигентным. Одиноким, старым, больным, но к людям относился бережно.

Мне посчастливилось недавно посмотреть подряд два спектакля, где вы играете. На одном я плакала, на другом смеялась.

Это какие же спектакли?

«Последняя любовь» в режиссуре Ильи Ротенберга и «Моя профессия — синьор из высшего общества»

Сцена из спектакля «Ретро» по пьесе Александра Галина. Вадим Синицын в роли Николая Михайловича Чмутина.

Фото предоставлено театром

Владимира Черняева. Очень интересно наблюдать игру актера в контрастном освещении.

Ну и как?

Сколько ни смотрю спектакль «Последняя любовь», он всякий раз проникает в меня так глубоко, что я ощущаю личную причастность к судьбе героев этой истории. Во мне (и это очень серьезно) пробуждается генетическая память о Второй мировой войне. Илья Ротенберг — режиссер тонкой организации, абсолютного слуха, малейших душевных вибраций.

Да, он работал с нами очень подробно, насыщая диалоги героев пережитыми испытаниями в годы Второй мировой войны. Память во многом определяет отношения человека с окружающим миром.

Когда ваш герой, Марк Терцивер, ироничный и мудрый еврей, в опрятном костюме, в шляпе, под которой кипа, получает известие от друга Гарри Бендинера, что тот женится, веселью нет предела. Ах, как вы хорошо танцуете еврейский танец! Пластично, точно, легко, радостно. У вас счастливые лица. А через некоторое время ваш герой получает известие о гибели Этэля. В этот момент мне кажется, что он кричит в телефонную трубку: «Этого не может быть!» всему миру. И варшавскому гетто, где он чудом выжил в том числе. И колючей проволоке, и черному дыму крематориев... «Этого не может быть!» А у меня ручьем текут слезы. И не потому, что я кисейная барышня, а потому что это наша общая судьба.

А на каком спектакле вы смеялись?

На «Синьоре из общества», конечно! Я когда-то, давным-давно, смотрела этот спектакль в Новосибирске в постановке В. Черняева. И декорации те же, столетней давности, сильно «потрепанные временем», и узнаваемые режиссерские придумки, и мизансцены. Но! Наши актеры способны «переиграть» все что угодно и сделать зрелище довольно забавным. А ваш Дедушка — вообще класс! Его привезли в инвалидном кресле. Ему 94 года. Он что-то поет на непонятном языке. Очень забавно и смешно поет. На Дедушке — курточка с «попугаем» на плече и с елочными украшениями. На голове — соломенная шляпа. Дедушка похож на заводную куклу, которая поет или плачет, — стоит только снять с нее шляпу. И плачет-то Дедушка так по-детски, безумно и трогательно... Фарс! Но без грубости и унижения по отношению к инвалиду. Я бы сказала: «Это — деликатный фарс!»

Мне вообще нравятся роли, где есть простор для актерской импровизации. Дедушка у меня всегда чуточку другой, в зависимости от общей атмосферы игры, а она на каждом спектакле разная. И публика — тоже разная. И когда актер улавливает дыхание зрительного зала, тогда и возникает единое пространство игры.

На чем, собственно, все и держится. Что зритель взял от спектакля, то и есть его содержание. Ни больше ни меньше. Вот, например, спектакль «Пленные души» режиссера Алексея Логачёва. Вы там играете Валерия Брюсова. И весь спектакль, считай, сидите в кресле и наблюдаете за происходящим. Вокруг вас молодые поэты. «Тень несозданных созданий колыхается во сне». Мы — зрители и вы — зритель. Выходит, так? На первый взгляд. А на самом деле все чуточку по-другому. Вся эта история про Блока, его маменьку, Любочку Менделеву — ваш плод воображения. Это вы Валерий Брюсов — автор проявленного послания. И это вы выпускаете «пленных духов» на свободу.

Вот вы как поняли спектакль? Интересно.

Так это же считается по мизансцене. Иначе зачем вы здесь сидите и обволакиваете нас своими

мыслеобразами? В одном из отзывов на спектакль вас сравнили с Воландом. И не надо отмахиваться от прелетевшей мысли. Ее надо держать.

Вот этим-то и отличается работа на подмостках театра от работы перед камерой. Непрерывностью процесса сценической жизни. Чуть в сторону и остается только текст.

В фильме «Танк "Клим Ворошилов-2"» лицо Вадима Сеницына часто показывают крупным планом. Умные смелые глаза. Доброжелательная рассудительность в общении с людьми. Настоящий русский мужик, всегда готовый прийти на помощь. Он-то и организует спасение танка, увязнувшего в реке: «Воротом надо пробовать. Воротом, — призывает людей на подмогу. — Ну, кто еще есть? Подходите, люди. Подходите». Несмотря на покалеченную ногу, впрягается в упряжку вместе со всеми. Ценой нечеловеческих усилий танк вытаскивают из реки. Фильм

Вадим Сеницын в фильме «Танк "Клим Ворошилов-2"»

режиссера Игоря Шешукова «Танк "Клим Ворошилов-2"» снят в 1990 году на киностудии имени М. Горького, и до сих пор он возвращает к себе откровенной жесткой правдой о первых днях войны, рассказом о характере русского человека, о его проявлениях в экстремальных ситуациях.

А потом у актера была незабываемая встреча с режиссером Александром Миттой. В многосерийном фильме «Лебединый рай» Вадим играл роль дяди Гриши, музыканта местного духового оркестра, человека щедрой, открытой души, балалаечника и плясуна.

В киноархиве Вадима Сеницына шесть российских фильмов и два, снятых с зарубежными коллегами из Канады, Японии и Германии. Это — «Первый отряд» и «Одиссея капитана Блада». Смотришь их, радуешься и печалишься одновременно. И вот почему. Во многих драматических театрах, в зрительском фойе, отдельное место занимает информация об актерах, снимавшихся в кино. Все как положено для поднятия престижа театра. Что ни говори, а фильмы со «своими» актерами смотрятся с особой гордостью.

Актер — главное художественное достояние театра. ❏